W 55/412

№ 55/412

НѢЧТО

О ВИЗАНТІЙСКИХЪ ИСТОРИКАХЪ

И О ПЕРЕВОДѢ ИХЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Исторія Естественная и Исторія человѣческихъ обществъ состоятъ изъ фактовъ. Первая содержитъ въ себѣ факты матеріальной Природы; другая—дѣйствія существа разумнаго, духовнаго. Въ Исторіи Естественной ни одинъ фактъ не оставленъ безъ вниманія любопытнымъ наблюдателемъ и испытателемъ Природы. Въ Исторіи человѣчества, всѣ явленія внутренней и внѣшней жизни народовъ заслуживаютъ вообще вниманіе, хотя не всѣ равно занимательны, или поучительны.

Во всѣхъ вѣкахъ человѣкъ былъ влекомъ какимъ-то инстинктомъ къ изслѣдыванію прежняго состоянія человѣчества, въ особенности же племени, къ коему онъ принадлежитъ, и народовъ, съ коими оное было связано какими-нибудь особенными узами. Въ нашемъ вѣкѣ, болѣе нежели когда-либо, инстинктъ сей получилъ самое приличное, самое полезное направленіе. Исторія не есть уже предметъ поверхностнаго

любопытства, предметъ ученія для дѣтей. Ею не занимаются, какъ то дѣлали нѣкоторые въ прошедшемъ вѣкѣ, для того только, чтобъ осмѣивать все, что было прежде, бросать на человѣчество иронической взглядъ, выставлять одни безпорядки и слабости народовъ и Правителей. Въ изученіи Исторіи нынѣ нѣчто важное и торжественное: ибо *прошедшее* человѣчества открываетъ намъ истинныя причины настоящаго его положенія, настоящаго образованія, настоящихъ законовъ, и обычаевъ, точно такъ, какъ *настоящее* человѣчества содержитъ въ себѣ все его *будущее*. Сравненіе настоящаго съ прошедшимъ можетъ вести насъ къ угаданію будущихъ судебъ человѣчества.

И такъ не удивительно, что Исторія сдѣлалась предметомъ глубокихъ изысканій величайшихъ умовъ. Никакія преданія народовъ не оставлены ими безъ вниманія. Они стали собирать съ бо́льшимъ стараніемъ лѣтописи и біографіи, не только своего народа и не только близкихъ къ нему народовъ, но и народовъ самыхъ отдаленныхъ. Вообще событія свѣта, если оныя сколько нибудь важны, не заключаются въ предѣлахъ какого-либо народа: ибо можно сказать, что, собственно, нѣтъ Исторіи частной, Исторіи *одного* народа, въ которой бы не участвовала Исторія другихъ народовъ. По какой-то неизбѣжной необходимости, самое могущественное Государство приковано къ судьбѣ другихъ. Какъ нѣтъ біографіи человѣка, жившаго въ совершенномъ одиночествѣ, безъ всякихъ сношеній съ другими сочеловѣками, такъ равно нѣтъ и *біографіи* такого народа, который бы не имѣлъ

вліянія на другіе народы, или не былъ бы подъ вліяніемъ ихъ.

При современномъ направленіи любознательности и просвѣщеннаго любопытства, при возбудившейся охотѣ собирать историческіе матеріалы и переводить ихъ на Отечественный языкъ, любители Исторіи Среднихъ вѣковъ согласны въ томъ, что между сокровищами историческими, сдѣлавшимися достояніемъ нашимъ, особенное вниманіе заслуживаетъ собраніе Греческихъ Историковъ того времени. Они извѣстны подъ именемъ Византійскихъ потому, что большая часть ихъ жила въ Византіи, или Константинополѣ, городѣ, въ которомъ утвердилъ постоянное свое пребываніе Константинъ Великій — не изъ прихоти и своенравія, какъ неосновательно полагали нѣкоторые Западные Писатели, но по видамъ глубокой политики, для пользы образованнаго міра, что̀ и доказали послѣдующія событія.

Рядъ этихъ Историковъ, описавшихъ жизнь Державы, нѣкогда первенствовавшей въ мірѣ, начинается съ эпохи основанія Константинополя, и продолжается до завоеванія онаго Турками, т. е., въ теченіе болѣе одиннадцати вѣковъ (314—1453), хотя, кажется, ничто не мѣшаетъ начать эту эпоху нѣсколькими годами прежде, и кончить нѣсколько позже, и такимъ образомъ обнять Дексиппа, жившаго при Галліенѣ и Клавдіи (251—280), Франциса, Дукаса и Лаоника Халкондила, кончившихъ свою Исторію послѣ плѣненія ихъ народа (1453—1475).

Всякому образованному человѣку извѣстно, что теченіе сихъ двѣнадцати вѣковъ объемлетъ вели-

чайшія и удивительныя эпохи человѣчества, каковы были: переселеніе Сѣверныхъ народовъ въ Южныя страны Европы; основаніе новыхъ Царствъ въ сей Части Свѣта; паденіе идолопоклонства; торжество Христіанской Религіи; появленіе Магомета; нападеніе Аравитянъ на Восточную Имперію; отдѣленіе Западной Церкви отъ Восточной; завоеваніе Норманновъ на Югѣ и Сѣверѣ; Крестовые походы; могущество Монголовъ и Татаръ; завоеванія Турковъ въ Азіи и Европѣ, и проч.

За исключеніемъ неприступнаго для Европы Китая, Индійскихъ Государствъ и Африканскихъ, до нынѣ еще мало извѣстныхъ народовъ, Византійская Исторія болѣе или менѣе въ связи, либо по политическимъ, либо по религіознымъ отношеніямъ, съ Исторіею Государствъ, существовавшихъ въ прежнихъ вѣкахъ, или существующихъ еще теперь.

Разные Историки, въ теченіе столь многихъ вѣковъ писавшіе подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, среди борьбы Христіанства съ многобожіемъ, и Православія съ многочисленными ересями, при возрастающемъ упадкѣ могущества и благосостоянія Государства, должны, конечно, носить на себѣ печать разныхъ эпохъ, въ которыхъ они жили. Какъ всегда бываетъ въ свѣтѣ, за вѣками просвѣщенными послѣдовали времена невѣжества; таковы были вѣки седьмой и восьмой. Ученость и любознательность воскресли, правда, съ новою жизнію при Македонской династіи и при Комнинахъ; но Государство, бывъ потрясено до самыхъ основаній Крестоносцами, стремительно клонилось къ своему паденію. Какіе

Писатели, любимцы Природы, могли подняться выше своего вѣка и освободиться отъ вліянія благопріятныхъ, или противныхъ обстоятельствъ?

Историки Византійскіе писали на языкѣ, который, нѣсколько вѣковъ прежде, достигъ высочайшей степени совершенства, но который въ третьемъ вѣкѣ началъ измѣняться, въ слѣдствіе необходимаго стеченія обстоятельствъ: тѣснаго сближенія съ Римлянами, новаго Законодательства, новой Религіи, новаго образа правленія. Сохранить чистоту древняго Эллинскаго языка было уже невозможно. Обыкновенно, ученые Европейцы начинаютъ знакомиться съ Византійскими Писателями, послѣ того какъ начитались Геродота и Ксенофонта. Они ищутъ въ Византійцахъ того же слога, того же духа, и, конечно, находятъ тотъ же матеріалъ, почти тѣ же слова, но не ту простоту, не то изящество формъ. Они видятъ иногда усиліе подражать древнимъ безсмертнымъ образцамъ, но это усиліе, въ нѣкоторыхъ изъ сихъ Писателей, превращается въ рабское подражаніе, не позволяюшее уму подняться высоко и предаться свободному полету. Впрочемъ Природа не расточительна на Писателей, подобныхъ Ѳукидиду и Тациту. Они такъ рѣдки и между нынѣшними народами, достигшими высокой степени образованія!

Никто, кажется, не былъ такъ строгъ къ Византійскимъ Историкамъ, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ Писателей XVIII вѣка, Гиббонъ. По необходимости, долженъ былъ онъ познакомиться съ ними коротко. Вмѣсто того, чтобъ удовольствоваться тѣмъ, *что есть*, онъ хотѣлъ, чтобы всѣ эти Писатели были Плутархи

и Полибіи. Но въ строгихъ его приговорахъ имѣли большое участіе его предразсудки и предубѣжденія, и что можетъ быть несправедливѣе предубѣжденій Философа, и Философа восемнадцатаго вѣка, каковъ былъ Гиббонъ! Ему не могли нравиться Писатели Христіанскіе, и притомъ Православные. . . . Однакожь неблагодарный Британецъ извлекъ изъ нихъ очень много пользы и тѣмъ придалъ своему сочиненію большую занимательность. При всѣхъ своихъ предубѣжденіяхъ, онъ многимъ отдаетъ должную справедливость, хвалитъ у нѣкоторыхъ точность, вѣрность, искусное изложеніе, пріятный разсказъ. Такъ о Георгіи Пахимерѣ, Писателѣ XIV вѣка, онъ говоритъ: *Не ставя его наряду съ Ѳукидидомъ и Тацитомъ, я долженъ похвалить его краснорѣчіе, ясность, и, до нѣкоторой степени, свободу мыслей.* О Никифорѣ Григорасѣ: *Онъ описываетъ красно и вѣрно нравы Монголовъ*, и проч. О Дукасѣ (XV вѣка): *Разсказъ его живъ, кратокъ; онъ наблюдатель внимательный и точный.* Часто Гиббонъ жалѣетъ, что время лишило его многихъ полезныхъ источниковъ. Онъ досадуетъ на Патріарха Фотія за краткость его выписокъ изъ сочиненій Олимпіодора, Нонноса, Ѳеофана и проч., хотя и зналъ, что сей необыкновенный человѣкъ дѣлалъ выписки съ памяти, во время посольства своего къ Багдадскому Халифу (1).

(1) Фотій былъ одаренъ умомъ всеобъемлющимъ. Въ томъ отдаютъ ему справедливость и Римскіе Католики, которые ненавидятъ его отъ души. . . . Въ книгѣ о раздѣленіи Церквей Восточной и Западной, изданной около половины XVII столѣтія, т. е. въ царствованіе Людовика XIV, Авторъ ея, извѣстный Ученый Менбургъ, Священникъ Іезуитскаго Ордена, говоритъ о Фотіи, что онъ былъ Ораторъ, Поэтъ, Историкъ, Философъ, Бого-

Какъ бы Гиббонъ обрадовался, когда бы, при жизни его, были отысканы не дошедшія до насъ писанія Климента, Евстафія, Евтихіана, Дидима, Домнина, Эрмолая, Магна, Мануила Византійскаго, Исихія, Праксагора Аѳинянина, и многихъ другихъ!

Византійскіе Историки сдѣлались извѣстными въ Европѣ въ XV столѣтіи, послѣ того, какъ Греки, бѣжавшіе Турецкаго плѣненія, разсѣялись по Италіи, Франціи и Германіи, неся съ собою драгоцѣнные остатки Словесности погибшаго народа. Къ счастію, вскорѣ послѣ того изобрѣтено книгопечатаніе, безъ котораго еще большее число рукописей было бы истреблено временемъ. Можетъ ли быть, чтобы какіе-либо обломки Греческой образованности не дошли до Россіи вмѣстѣ съ нѣкоторыми скитальцами, въ числѣ коихъ были Димитрій Ларевъ Палеологъ, Траханіотъ и другіе, люди знатнѣйшихъ родовъ Византійскихъ, и, безъ сомнѣнія, образованные и хорошо принятые при Московскомъ Дворѣ, и Великимъ Княземъ употребленные въ разныхъ важныхъ посольствахъ?

Въ XVI столѣтіи, при распространившейся повсюду любви къ древней Словесности, стали печатать и переводить на Латинскій языкъ этихъ Писателей въ Базелѣ, Женевѣ, Парижѣ. Чѣмъ болѣе знакомились съ ними, тѣмъ болѣе чувствовали

словъ, Математикъ, Астрономъ, Астрологъ, даже чернокнижникъ (!) и притомъ дурной человѣкъ! Но самые враги сего Святителя не могли ничего сказать на счетъ чистоты его нравовъ.

нужду умножать изданія и переводы. Эта охота обнаружилась во Франціи послѣ того, какъ Францискъ I и Генрихъ IV явили себя покровителями Наукъ и Словесности и положили начало блистательному вѣку Людовика XIV.

Въ самомъ началѣ царствованія сего Короля изданы были нѣкоторые изъ Византійскихъ Историковъ, а именно: Георгій Кедринъ, Никита Хоніатъ и проч. Тогда пришла мысль ученому Лаббѐ, Священнику Іезуитскаго Ордена (1), обнять весь кругъ Византійскихъ Историковъ, и составить планъ новаго изданія. Оно посвящено славному Кардиналу Мазарини въ 1648 году. Нѣкоторыя отдѣльныя части посвящены разнымъ извѣстнымъ тогдашняго времени Вельможамъ, каковы Канцлеръ Сегьѐ (Séguier), Кольберъ и другіе. Книги печатались при Королевской типографіи. Литеры и бумага очень хороши. Изданіе въ-листъ — подлинно царское, достойное вѣка Людовика XIV. Надъ нимъ трудились многіе изъ ученѣйшихъ людей Франціи. Довольно назвать (сверхъ Лаббе) Гоара, Поссена и Дюканжа, который своими трудами касательно Византійской Исторіи стяжалъ себѣ безсмертную славу, сдѣлавъ одинъ для нея больше, нежели до него всѣ другіе Ученые вмѣстѣ. Французскіе Издатели исправили текстъ и обогатили его разными примѣчаніями.

Изданіе шло медленно; оно продолжалось до 1702 года, и при всемъ томъ не были тогда изданы,

---

(1) Нибуръ говоритъ о Лаббе: Labbeus tam historiae cognitione, quam ingenio judiciique sanitate egregie instructus.

и долго послѣ того оставались не изданными многіе замѣчательные Писатели. Еще теперь, 200 лѣтъ послѣ начатія Парижскаго изданія, есть историческія сочиненія, которыя не изданы въ свѣтъ. Они гніютъ въ пыли, пока трудолюбивая рука Ученаго не стряхнетъ ея съ нихъ и не издастъ ихъ, при содѣйствіи какого-нибудь просвѣщеннаго Мецената. Только за 20 предъ симъ лѣтъ истинный любитель просвѣщенія Русскій Вельможа, Государственный Канцлеръ Графъ Румянцовъ, далъ ученому Газе средства къ напечатанію въ Парижѣ не изданной до того рукописи Льва Діакона, которой прежде сего былъ изданъ только переводъ Латинскій. Какъ появленіе сего Писателя обрадовало любителей Россійской Исторіи, нашедшихъ въ немъ столько любопытнаго касательно войны Русскихъ съ Греками!

Парижское изданіе Византійскихъ Историковъ, вскорѣ послѣ 1702 года, сдѣлалось весьма рѣдкимъ и дорогимъ, такъ что, въ 1720 году, продавалось за 450 Голландскихъ гульденовъ, сумму, превышающую способы Ученыхъ.

По истощеніи пышнаго Парижскаго изданія, предпринято было въ Венеціи другое, типографщиками Яворіною и Бонино. Они посвятили его Испанскому Королю Филиппу V. Это изданіе есть повтореніе Парижскаго во всѣхъ отношеніяхъ, только въ худшемъ видѣ. Ни въ изданіи подлинника, ни въ Латинскомъ переводѣ не было сдѣлано ни какихъ поправокъ. Напротивъ того, при печатаніи вкралось множество погрѣшностей. Изданіе началось и кончи-

лось въ 1729 году. Всѣхъ томовъ 28 въ-листъ. Нѣкоторые изъ нихъ хотя относятся къ Византійской Исторіи, но написаны не Византійцами и не на Греческомъ языкѣ.

Не упоминая о послѣдовавшихъ изданіяхъ отдѣльныхъ Писателей, скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ, которое начато славнымъ Нибуромъ. Говорить о достоинствѣ и заслугахъ сего Ученаго было бы здѣсь не у мѣста: кому оныя неизвѣстны?

Нибуръ приступилъ, въ 1828 году, къ изданію Византійскихъ Историковъ по образцу Парижскому. Прежде всѣхъ изданъ имъ Историкъ Агаѳіасъ, хотя, въ порядкѣ собранія, Исторія его должна составлять третій томъ. Первый изданъ въ 1829 году. За тѣмъ выходили разные Писатели съ 29 до 40 года.

Нибуръ и его ученые сотрудники, Классенъ, Шопенъ и въ особенности Беккеръ, приложили большое стараніе къ изданію текста, исправленнаго ими по возможности. Они сравнивали рукописи, хранящіяся еще въ разныхъ Библіотекахъ публичныхъ и частныхъ, и оставили примѣчанія прежнихъ Издателей: Лаббе, Валлуа, Вулканія, Дюканжа, Буавена равно и Рейске, Газе, Виллуазона, Мейнеке, Диндорфа и другихъ, и прибавили къ нимъ свои собственныя, также варіанты и нѣкоторые отрывки, открытые Ученымъ Майо между рукописями Ватиканской Библіотеки.

Если можно что-нибудь осудить въ семъ изданіи, то это переводъ Латинскій. Въ немъ не сдѣлано, кажется, никакихъ поправокъ послѣ Парижскаго

изданія. Издатели оказали бы читателямъ, не знающимъ Греческаго языка, немаловажную услугу, когда бы потрудились сличить снова переводы съ подлинниками и исправить многія вкравшіяся въ нихъ ошибки (1).

Изданіе въ 8 долю; очень чисто и на хорошей бумагѣ. Великолѣпіемъ оно далеко отстоитъ отъ Парижскаго, но впрочемъ это — послѣднее достоинство книги.

Смерть Нибура не остановила изданія. Оно продолжается подъ покровительствомъ Прусской Королевской Академіи Словесности — *Auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae continuata.*

Всѣхъ томовъ издано до сихъ поръ 30. Оные печатаются въ Боннѣ. Въ нихъ заключаются многіе Историки, которые не помѣщены въ Парижскомъ изданіи, каковы суть: Левъ Діаконъ, Іоаннъ Малала, Генесій, Константинъ Манассисъ, Іоаннъ Лидъ, Георгій Писидіанинъ (Историкъ-Стихотворецъ), Іоаннъ Каменіатъ, Симеонъ Магистръ, Іоаннъ Кананъ, Георгій Францисъ, Іоаннъ Анагностъ, Ефремій и нѣкоторые другіе.

При изданіи Исторіи Агаѳіаса, въ 1828 году, всѣхъ подписчиковъ было 496, изъ нихъ въ Англіи 28, въ Россіи (Митавѣ и Ригѣ) 3, во Франціи (въ Стразбургѣ) 2.

---

(1) Въ слѣдствіе сдѣланныхъ послѣдними Издателями въ текстѣ поправокъ, иногда мысль Автора измѣняется совершенно, а въ переводѣ оставлена прежняя.

Остальные въ Германіи, Бельгіи, Голландіи, Венгріи и Даніи.

На I-й томъ, изданный послѣ III-го, въ 1829 году, подписчиковъ было до 598; а именно: въ Лондонѣ 56; въ Парижѣ 40; въ Россіи 25; въ Римѣ 3. Всѣ другіе въ вышеозначенныхъ Государствахъ.

Если такой мужъ, каковъ былъ Нибуръ, нашелъ нужнымъ издать вновь Византійскихъ Историковъ, если просвѣщеннѣйшіе люди Германіи, не только не почли предпріятіе его излишнимъ, но изъявили свое одобреніе, подписываясь на полученіе ихъ, если и по смерти Нибура знаменитая Академія приняла изданіе подъ свое покровительство, то можно полагать, что въ этомъ изданіи Европа чувствуетъ нѣкоторую потребность.

Теперь предстоитъ вопросъ: нужно ли переводить на Русскій языкъ всѣхъ Византійскихъ Историковъ?

Одно знаменитое Ученое Общество, которое можно почесть, въ этомъ дѣлѣ, судьею по праву, изрекло уже свое мнѣніе (1) и признало пользу, какой можно ожидать отъ перевода Византійскихъ Историковъ. Не взирая на то, есть люди, которые находятъ такое предпріятіе излишнимъ. Одни говорятъ: изъ этихъ Историковъ очень немногіе переведены на новѣйшіе языки, потому что Ученые читаютъ ихъ на Латинскомъ, а кто нынѣ и у насъ не знаетъ Латинскаго языка? Другіе полагаютъ, что не стоитъ труда пере-

(1) См. Труды Императорской Россійской Академіи Ч. I. стр. 87.

водить Писателей, которые жили во времена суевѣрныя и невѣжественныя, далеко отстоятъ отъ изящества древнихъ, разсказываютъ, болѣе всего, о происшествіяхъ, бывшихъ въ одряхлѣвшей, клонившейся къ разрушенію, а теперь уже исчезнувшей Восточной Имперіи и проч.

Всякъ воленъ въ своихъ мнѣніяхъ. Мы только позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

I. Византійскіе Историки, правда, описываютъ происшествія Государства, въ теченіе многихъ столѣтій клонившагося къ паденію и наконецъ исчезнувшаго непримѣтно, когда изчезаетъ Оксусъ среди песковъ; однако было время, какъ владѣнія его простирались отъ предѣловъ Шотландіи до предѣловъ Персіи, и въ подвластныхъ ему странахъ протекали Рейнъ и Нилъ, Темза и Евфратъ, Фазисъ и Таго. Это самое пространство заставляло Византійскую Имперію быть въ борьбѣ со многими, до того неизвѣстными народами, которые со всѣхъ концевъ земли, какъ-бы влекомые неизвѣстною силою, устремлялись на нее, и изъ обломковъ ея составили новыя сильныя и ей враждебныя Монархіи. При всемъ томъ она пережила, безъ малаго, тысячу лѣтъ, Западную сестру свою, истинную Римскую Имперію, увидѣла сокрушеніе страшнаго могущества Гуннскаго Аттилы и истребленіе немаловажныхъ Царствъ Готовъ, Вандаловъ и Лонгобардовъ. Пострадавъ отъ нападеній Халифовъ, простершихъ свои завоеванія отъ Гиммалаи до Пиренейскихъ горъ, сокрушившихъ древнюю Монархію Хосроевъ, съ которыми Римъ и Византія, въ теченіе многихъ вѣковъ, почти никогда не имѣли прочнаго

міра, — она съ утѣшеніемъ видѣла и раздробленіе страшнаго Аравійскаго колосса и уничтоженіе Сельджукидовъ, заступившихъ могущество Халифовъ. Монархія Карла В. тѣснила Византійскую, но она также раздробилась на части. Въ началѣ X столѣтія уже ея не было, а въ Византіи царствовалъ Василій Македонянинъ, достойный носить порфиру Авреліана, Клавдія II, Константина и Ѳеодосія. Норманны блеснули въ Италіи, вели съ Византіею жестокія войны, — но они исчезли, а Комнины Алексій, Іоаннъ и Мануилъ царствовали со славою, ободряли Науки, Словесность и Искусства, въ то время, когда въ Европѣ не имѣли о нихъ ясныхъ понятій. Затѣмъ явились и скоро исчезли колоссальныя Монархіи Чингисъ-Хановъ и Тамерлановъ, угрожавшія порабощеніемъ Европѣ. Можетъ быть Византія пережила бы и могущество Оттомановъ, и получила бы новую жизнь, сблизясь съ Европою послѣ великаго открытія книгопечатанія, когда бы Крестоносцы Запада, стремившіеся на Востокъ, подобно потоку, не подрыли совершенно ея основаній.

Въ жизни этой Имперіи находимъ много безпорядковъ и злодѣяній; но въ тѣ вѣки менѣе ли было злодѣяній въ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ ..... Историки Византійскіе описываютъ черными красками безпорядки Государства, пороки своихъ современниковъ; но со временъ Горація и Тацита Римскіе Писатели стали порицать пороки своихъ соотечественниковъ, и хвалить добродѣтели варваровъ. Горацій, на пирахъ Мецената и Августа, завидуетъ счастію кочующихъ Скиѳовъ. Тацитъ превозносилъ Германскіе

нравы, — но захотѣлъ ли онъ жить съ Германцами того вѣка? Человѣкъ съ талантомъ его могъ бы прелестно описать жизнь Черкесовъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Калмыковъ и проч. и заставить полюбить состояніе, столь близкое къ дикому. Агаѳіасъ превознесетъ добродѣтели Франковъ; но, хваля ихъ, онъ, кажется, пишетъ сатиру на своихъ современниковъ, ибо изъ другихъ достовѣрныхъ Историковъ мы знаемъ, что Франки, въ VI вѣкѣ, соединяли величайшій развратъ съ ужасною жестокостію и невѣжествомъ. Извѣстно, что дѣянія многихъ Императоровъ Византійскихъ представлены въ превратномъ видѣ Писателями, которые были разныхъ мнѣній, особливо въ предметахъ, касающихся Религіи. Зосимъ, язычнику, ничего не нравится въ Константинѣ В.; Іуліанъ, за отступничество, представленъ въ самомъ дурномъ видѣ одними и превознесенъ до невѣроятности другими. Послѣ отдѣленія Церкви Западной отъ Восточной, Папы, составивъ уже свой планъ всемірнаго владычества, не находя въ Государяхъ Византійскихъ той покорности, которой они требовали отъ Государей Европейскихъ, объявили имъ войну непримиримую. Война сія была тѣмъ пагубнѣе, что въ ней дѣйствовали оружіемъ невещественнымъ. Всякому понятно послѣ этого, что свѣдѣнія о Византійской Имперіи должно почерпать изъ оригинальныхъ Историковъ, прямо, а не чрезъ Историковъ Запада, подчиненнаго Папскому Престолу: ибо многія причины, и дѣльныя и недѣльныя, особливо послѣ Крестовыхъ походовъ, внушили Западнымъ Писателямъ предубѣжденія, отъ которыхъ въ послѣдствіи не могли избавиться самые просвѣщенные люди.

II. Византійскіе Историки были, вообще, люди самые образованные изъ народа самаго образованнаго въ тѣхъ вѣкахъ, и многіе изъ нихъ, сверхъ историческихъ сочиненій, оставили сочиненія въ другихъ родахъ. Агаѳіасъ, котораго имя украшаетъ Анѳологію, былъ Поэтъ съ талантомъ, и притомъ Законовѣдецъ и начитанный человѣкъ. Никифоръ Григорасъ писалъ о многихъ философскихъ и богословскихъ предметахъ. Сверхъ того большая часть ихъ были люди значительные и занимали важныя мѣста въ Государствѣ. Зонара, который называется монахомъ и даже труженикомъ, былъ въ мірянахъ Префектомъ Вигиловъ и первымъ Тайнымъ Секретаремъ. Кинамъ, военный человѣкъ, былъ Секретаремъ Императора Мануила Комнина и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. Францисъ былъ Министръ и Оберъ-Каммергеръ, или Гофмейстеръ при послѣднемъ Константинѣ; Никита Хоніатъ — знатный человѣкъ и Сенаторъ. Никифоръ Вріенній принадлежалъ къ Императорскому дому. Анна Комнина описала богатую происшествіями жизнь отца своего, Императора Алексія.

III. Многіе изъ сихъ Историковъ описали то, что̀ сами видѣли, въ чемъ сами участвовали. Такъ Прокопій, Совѣтникъ или Секретарь Велисарія, находился при немъ во всѣхъ его походахъ въ Персіи, въ Италіи, въ Африкѣ, и получалъ отъ него порученія, касающіяся военныхъ дѣйствій. Іоаннъ Кантакузинъ, человѣкъ и по роду и по дѣяніямъ достопримѣчательный, бывъ уже монахомъ на Аѳонской горѣ, написалъ Исторію своего времени и проч.

Какое бы ни было мнѣніе Ученыхъ о Византійскихъ Писателяхъ въ отношеніи къ литературному ихъ достоинству, любители Исторіи должны по необходимости знакомиться съ ними; но число знающихъ Греческій языкъ въ Россіи весьма ограничено; что касается Латинскихъ переводовъ, то, еще повторимъ, они не всегда исправны. При томъ, Нибурово изданіе не дешево: оно стоитъ 160 руб. сереб. Въ Русскомъ переводѣ частей будетъ въ половину меньше; онѣ не могли бы стоить болѣе 50 руб. серебромъ.

И такъ мысль перевести Византійскихъ Историковъ на Русскій языкъ и издать въ свѣтъ заслуживаетъ одобреніе и благодарность любителей просвѣщенія.

Начало сдѣлано еще въ 1838 году. Переведены уже Прокопій и Агаѳіасъ, т. е. 1-й томъ всего собранія. Прокопій есть, безспорно, важнѣйшій изъ Историковъ Византійскихъ, по уму, способностямъ, опытности въ дѣлахъ, искусству писать и чистотѣ языка. Не довольствуясь описаніемъ войнъ, веденныхъ въ то время Римлянами, онъ бросаетъ быстрый взглядъ и за предѣлами Имперіи Римской. Всѣ народы, явившіеся тогда на сценѣ міра, каковы: Готы, Гунны, Герулы, Гепиды, Славяне, и многіе другіе описаны имъ довольно подробно. Онъ простираетъ взоръ свой до отдаленныхъ Финновъ, или, какъ онъ называетъ ихъ, Скритти-Финновъ, и говоритъ о нихъ не то, что видѣлъ самъ, а то, что слышалъ отъ другихъ. Любознательные люди, обращающіе вниманіе и на то, что происходитъ въ наше время на Кавказѣ и въ

Алжирѣ, съ любопытствомъ прочтутъ извѣстія Прокопія о войнахъ, происходившихъ въ его время въ тѣхъ самыхъ странахъ.

Агаѳіасъ, продолжатель Прокопія, Поэтъ и Адвокатъ, *старался* писать красно. Не говоря здѣсь ничего о его слогѣ, мы замѣтимъ, что любопытству его и стараніямъ мы обязаны многими свѣдѣніями о Персахъ, Франкахъ и о внутреннемъ состояніи Римской Имперіи. Агаѳіасъ составляетъ въ изданіи Нибура III Томъ.

I-й Томъ содержитъ въ себѣ: выписки, сдѣланныя въ X вѣкѣ по повелѣнію Константина Багрянороднаго изъ Исторій Дексиппа, Эвнапія, Петра Патрикія, Приска, Малха и Менандра, о посольствахъ Римлянъ къ разнымъ народамъ, и разныхъ народовъ къ Римлянамъ; выписки Патріарха Фотія изъ Исторій: Олимпіодора, Кандида, Понноса, Ѳеофила, и похвальную рѣчь Прокопія Газейскаго Императору Анастасію, найденную Виллуазономъ въ Библіотекѣ Св. Марка. Рѣчь эта заслуживаетъ вниманіе въ историческомъ отношеніи. Всѣ вышеупомянутыя выписки очень звнимательны — и заставляютъ жалѣть, что дошли до насъ не въ цѣлости, но съ нѣкоторыми пропусками и лефектами.

Надъ переводомъ сочиненія Императора Константина Багрянороднаго трудится извѣстный у насъ Эллинистъ.

Дабы дать читателю нѣкоторое понятіе о Византійскихъ Историкахъ, мы представимъ со време-

немъ отрывокъ изъ сочиненія Приска Писателя V вѣка, содержащій въ себѣ описаніе Посольства Римскаго къ Аттилѣ (1).

Читатель при чтеніи отрывка перевода, можетъ быть, замѣтитъ съ неудовольствіемъ, что переводчикъ оставляетъ имена собственныя въ томъ видѣ, въ какомъ находятся у переводимаго имъ Писателя — хотя это несогласно съ произношеніемъ, принятымъ у народовъ Западной Европы, гдѣ преобладаетъ Латинскій выговоръ. Защитники онаго говорятъ: мы никакъ не можемъ рѣшиться читать и писать Кикеронъ, Кекилія, Кентинаріи — когда мы знаемъ, что Латинцы выговаривали Цицеронъ, Цецилія, Центинаріи и проч. (2).

---

(1) Отрывокъ сей будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Журнала. Авторъ избралъ его преимущественно предъ другими, какъ по особенной его занимательности, такъ и для того, чтобъ показать читателю, съ какою небрежностію переводятъ и въ просвѣщенной Англіи и Франціи древнихъ историковъ. Г. Дестюи выставилъ значительныя ошибки двухъ знаменитѣйшихъ Писателей — Гиббона и Гизо. *Прим. Ред.*

(2) Кто докажетъ намъ, что древніе Латинцы выговаривали с какъ ц., а не какъ ч, или какъ к? Скажутъ, что Италіянцы, потомки ихъ, выговариваютъ эту букву какъ ц. Это доказательство, по нашему мнѣнію, было бы весьма важно и рѣшительно, еслибъ оно было истинно; но кому, знающему главныя нарѣчія Италіянскія, не извѣстно, что с Италіянцами выговаривается и какъ ц, и какъ ч, и какъ к, и какъ х?! Напр. *Francese* выговаривается: а) Францезе, б) Франчезе, з) Франсезе, д) Франкезе. — Предъ буквами *a, o, u*, выгов. *c* какъ *к*, у Тосканцевъ какъ *х*, напр. *capello, хапелло* (шляпа), *cocomero, хохомеро* (огурецъ). Италіянцы, отъ природы шутливые, вѣрно составили слово Chiacherone, кикероне (болтунъ) изъ имени Кикероне (Цицеронъ). Можно сказать тоже и о буквѣ b. Римляне выговаривали ее, какъ б, или какъ в? Нынѣшніе Римляне Tibi[illegible] называютъ Тевере, Tibur Тиволи; вм. tabula, говорятъ

Однакожь, не смотря на это, защитники Латинскаго выговора часто пишутъ: Кесарь, а не Цезарь; Кесарій, Кесарія, а не Цезарій, Цезарея; Велисарій, а не Белизарій; Викентій, а не Виценцій; Ираклій, а не Гераклій; Лукіанъ, а не Луціанъ; Онисій а не Онизій; Одоакръ, а не Одоацеръ.

Безъ сомнѣнія, общее употребленіе есть верховный законодатель языковъ, и кто сочиняетъ историческую книгу, тотъ долженъ повиноваться ему безусловно; но изъ этого не слѣдуетъ, что при переводѣ древнихъ должно употреблять имена собственныя по принятому у новѣйшихъ народовъ выговору; что должно непремѣнно писать: Вандалы, а не Вандилы, Готы, а не Готѳы, Венгры, а не Гунгры, Гунны, а не Унны. Если слѣдовать Латинскому выговору, то должно писать Либія, Арабія, Византія, Сцитія, Сциты, и замѣтьте, что Французъ говоритъ: Ситія, Ситы, а Италіянецъ: Шиція, Шиты.

Конечно имя: Бретты, Бритты или Вритты, мало извѣстно; мы болѣе привыкли къ именамъ Британцы, Бретоны. Однако если Прокопій пишетъ Бриты, или Вритты, то это не ошибка: онъ слѣдуетъ древнимъ Историкамъ, которые называли сей народъ Brittes.

Говоря о древнемъ народѣ, кажется, никто не рѣшится писать вм. Англы, Англичане, вм. Франки, Французы, вм. Даны, Датчане, вм. Неметы—Нѣмцы,

---

tavola, вм. fabula, favola. Испанцы, коихъ языкъ есть также нарѣчіе Латинскаго, пишутъ b (б), а выговариваютъ в. напр. Pablo (Павло) Павелъ, habla (авла), говорю (вѣрно отъ Латинскаго fabulor).

вм. Венеты, Венеціяне. Когда пишемъ Венетія, а не Венеція, то подъ симъ именемъ разумѣемъ древнюю страну Венетовъ; имя же Венеты напоминаетъ Славянъ Вендовъ, съ которыми имя Венеціяне имѣетъ менѣе сходства. И такъ имя Венеція слѣдуетъ употреблять, говоря о славномъ городѣ, столицѣ извѣстной республики, а имя Венетія, когда говоримъ о древней области.

Византійскіе Писатели употребляютъ имя Маврусіи, вм. Мавры. Должно ли всегда писать: Мавры, слѣдуя Латинскому выговору? Но Латины говорятъ Мауры, а не Мавры; Италіянцы, Французы: Моры; Англичане: Муры. Впрочемъ имя *Маврусіи* равно употребительно у Латинцевъ. У Виргилія (Энеида IV ст. 206.)

Jupiter . . . . cui nunc Maurusia pictis
Gens epulata toris linaeum libat honorem.

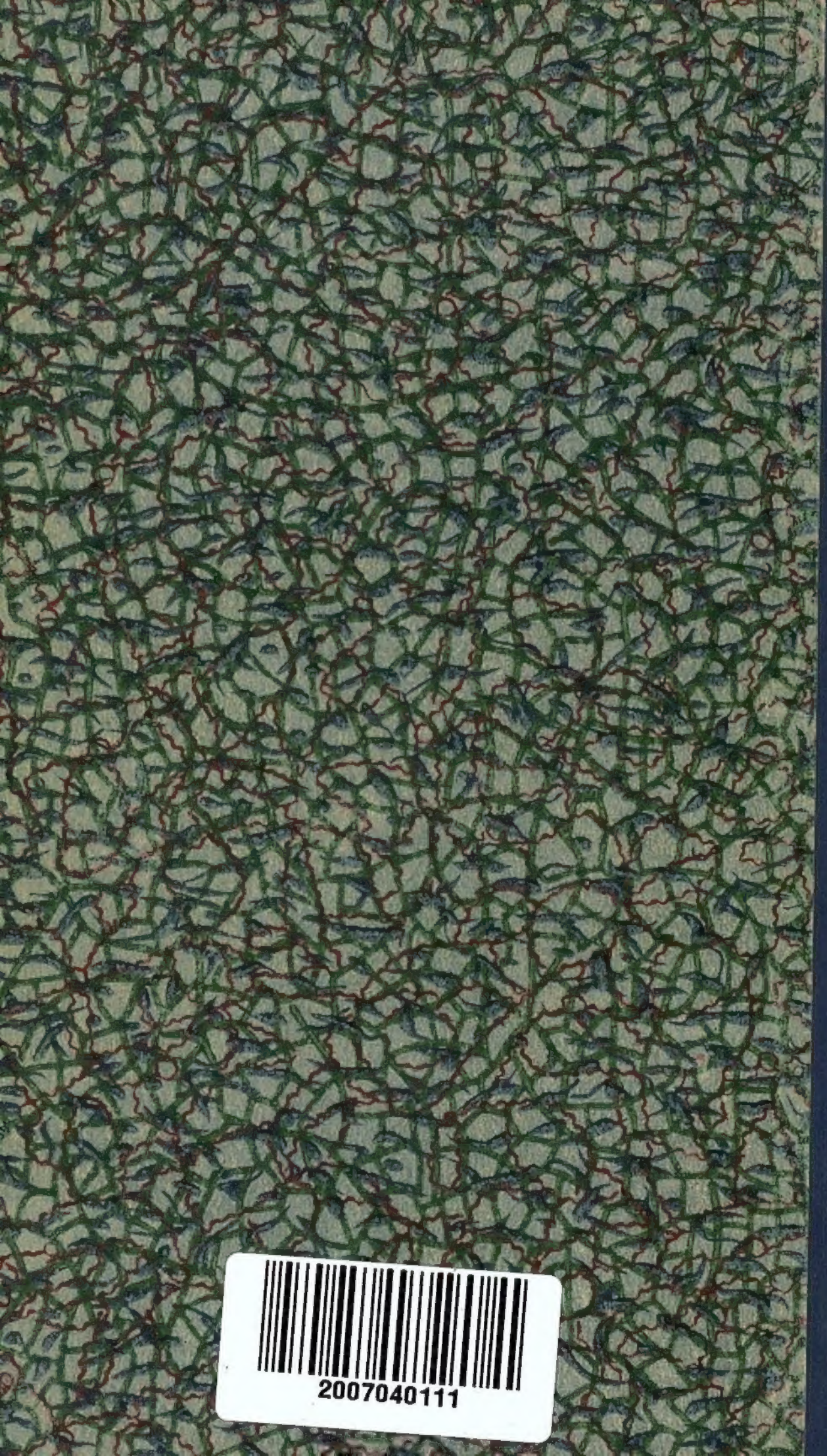
И такъ, когда вмѣсто Мавры, переводчикъ Византійскихъ Историковъ пишетъ Маврусіи, то этимъ даетъ знать читателю, что въ Среднихъ вѣкахъ имя Маврусіи превозмогало надъ названіемъ Мауръ, Мавръ, Моръ или Муръ.

Кому не извѣстно, что имя Славянъ или Словенъ у разныхъ народовъ пишется различно? Византійцы употребляютъ имена Сѳлавы, Сѳлавины, Склавы, Склавины, другіе народы говорятъ Склавоны и Скіавоны. Не лучше ли, при переводѣ какого-либо Автора, сохранить это имя такъ, какъ онъ его употребляетъ? Левъ Діаконъ, современникъ Святослава, называетъ его Сфендисѳлавомъ. Кто не знаетъ, что это имя испорченное?

№ 55
412

Можно замѣтить, что, при переводѣ съ иностранныхъ языковъ извѣстій о Московскомъ Царствѣ, Русскіе переводчики сохраняютъ иностранныя наименованія, которыя, однакожь, у насъ не въ употребленіи; а именно, пишутъ Московія, Московы,— и это, кажется, весьма прилично. Зачѣмъ бы и переводчику Византійскихъ Историковъ не позволить того же?

СПИРИДОНЪ ДЕСТУНИ.


2007040111